

ЗАКОННЫЕ ИНТЕРЕСЫ ОБВИНЯЕМОГО В СИСТЕМЕ СОСТЯЗАТЕЛЬНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Общепризнано состязательное построение уголовного судопроизводства в Российской Федерации – благодаря разделению функций обвинения, защиты и разрешения уголовного дела по существу реализуется назначение уголовного судопроизводства. Свойственная состязательности активность сторон не только способствует защите их прав, но и содействует вовлечению граждан в процедуру отправления правосудия, что имеет несомненную социальную ценность.

В то же время необходимо более четкое определение интересов сторон, подлежащих защите в состязательной системе судопроизводства. В связи с тем, что наиболее существенно в уголовном процессе затрагиваются права обвиняемого, следует подробно остановиться на вопросе о содержании и границах его законных интересов.

Конституция Российской Федерации предусматривает, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием (ст. 18 Конституции РФ). Действующее законодательство предусматривает право обвиняемого защищать свои законные интересы (ч. 3 ст. 47 УПК РФ). В то же время разъяснение сущности «законного интереса обвиняемого» в действующем законодательстве отсутствует. Как правило, в уголовном судопроизводстве выделяют общественные и личные интересы. При этом общественные интересы наиболее часто определяются как направленные на охрану общественного, государственного строя, личности от преступных посягательств. Личные же интересы в рамках этого подхода представляют собой потребность отдельных участников уголовного процесса в охране их

* © Савельев К.А., 2008

Савельев Константин Анатольевич – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский государственный университет

процессуальных прав. Это не совсем верно, так как стирает границы между правами личности и ее законными интересами.

Соотношение этих понятий подвергалось детальному изучению в правовой науке; при этом ставился вопрос о возможности существования законных интересов вне субъективных прав личности¹. Убедительной представляется точка зрения А.В. Малько, который полагал, что в сравнении с субъективным правом законный интерес можно считать фактической возможностью, то есть это лишь разрешенность действий². Следовательно, законный интерес определяется в этом случае как правовая дозволенность, которая, однако, характеризуется отсутствием гарантий ее исполнения. Исходя из этого следует сделать вывод о более широком содержании законных интересов по сравнению с правами личности, закреплёнными в законе, так как первые включают в себя вторые.

Более того, как отмечает В.М. Корнуков, смысл и назначение обоснования законности интересов личности усматривается в том, что оно может содействовать совершенствованию уголовно-процессуального законодательства, так как позволяет вскрыть неиспользованные резервы действующего законодательства в части регламентации вопросов, касающихся охраны интересов личности³. Таким образом, законные интересы не только включают в себя субъективные права личности, но и определяют их.

Распространенной является точка зрения, согласно которой личные интересы в уголовном судопроизводстве должны быть подчинены общественным: «Законность интересов обвиняемого, совпадающих с задачами уголовного судопроизводства, несомненна. Критерием законности интересов, расходящихся с этими задачами, является возможность удовлетворить их не в ущерб общественным»⁴. Эта точка зрения не нова: еще в начале XX века В.М. Гессен отмечал: «Всякая граница между сферой индивидуальной свободы и государственного вмешательства стирается; важному для государства приносится в жертву необходимое для индивидуума»⁵.

Между тем, в уголовном процессе общественные и личные интересы представляют собой неразрывное целое – они сходятся, так как соблюдение личных интересов обвиняемого является гарантией против привлечения к уголовной ответственности невиновного. Необоснованное обвинение во всех случаях нарушает общественные

интересы, так как оно не только означает существенное нарушение прав обвиняемого, но и ведет к безнаказанности действительных преступников. Исходя из этого следует признать, что обеспечение личных интересов обвиняемого является необходимым условием соблюдения общественных интересов. Недопустимо поэтому какое-либо ограничение законных личных интересов обвиняемого в целях защиты общественных интересов. Как верно замечает В.А. Лазарева, «реализация судебной власти в уголовном процессе направлена, в первую очередь, на защиту прав граждан от всяких нарушений, на их восстановление специфическими уголовно-процессуальными средствами»⁶.

Однако если общественные интересы включают в себя частные, то обратное неверно. Частные интересы не всегда направлены на реализацию общественных. Так, например, частный интерес обвиняемого может быть направлен и на уклонение от правомерного возложения на него уголовной ответственности за совершенное преступление, например, путем дачи заведомо ложных показаний, хотя этим, безусловно, нарушаются общественные интересы.

Личные интересы обвиняемого включают в себя не только процессуальные права, ясно закрепленные в законе, но и любые иные права, вытекающие из его статуса и не противоречащие закону (п. 21 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). Так, в отличие от прав защитника, закон, наделяя обвиняемого правом на соби́рание доказательств (ч. 2 ст. 86 УПК РФ), не указывает, путем каких действий оно может быть реализовано. Это, однако, не означает отсутствие у него прав на обнаружение и получение сведений, которые после приобщения их к материалам уголовного дела могут стать доказательствами, всеми способами, не противоречащими закону: путем бесед с гражданами, осмотра местности, запросов в организации и учреждения с просьбой предоставить документы и т.д.

При этом не противоречит законным интересам обвиняемого представление им сведений, требующих проверки: «Ведь если не установлено, что это доказательство достоверное, то не установлено и то, что оно не достоверное, ложное, ошибочное. Значит, это доказательство необходимо проверить, исследовать, пока сомнения не будут устранены»⁷.

В то же время недопустимы неправомерные действия обвиняемого по собиранию доказательств — похищение предметов и документов, которые могут быть доказательствами, неправомерное проникновение с этой целью в помещение, фальсификация доказательств. Границей личного интереса обвиняемого, таким образом, может выступать только неправомерность его действий по своей защите.

Процессуальные права обвиняемого не могут быть ограничены следователем на основании одного лишь предположения о возможности их неправомерного использования. Это нарушит интересы не только лица, привлеченного к уголовной ответственности, но и всего общества в целом.

Следовательно, понятие законных интересов обвиняемого охватывает все его права и возможности, направленные на опровержение или смягчение обвинения; их границей выступает требование соблюдения закона.

Двойственная природа законных интересов обвиняемого, которые служат одновременно средством защиты и личных и общественных интересов, позволяет сделать вывод об их паритетном характере по отношению к общественным интересам. М.С. Строгович, рассматривая вопрос о возможных коллизиях между интересами правосудия и интересами обвиняемого, критиковал мнение, согласно которому закономерно пожертвовать интересами обвиняемого, стремящегося уклониться от законной ответственности, ради интересов правосудия, требующих осуждения и наказания преступника⁸.

В частности, законный интерес обвиняемого включает в себя его право иметь достаточное время и возможности для подготовки к защите (ч. 3 ст. 47 УПК РФ). Статья 219 УПК РФ при окончании предварительного следствия предусматривает право обвиняемого и его защитника заявить ходатайство о производстве дополнительных следственных действий. Законный интерес обвиняемого и его защитника предполагает возможность их участия при проведении этих действий. Однако закон ставит эту возможность в зависимость от разрешения следователя (п. 10 ст. 47 УПК РФ). Следователь же является стороной обвинения (п. 47 ст. 5 УПК РФ), главной функцией которого закон считает осуществление уголовного преследования (п. 55 ст. 5 УПК РФ). Поэтому трудно ожидать от него удовлетворения ходатайства указанных лиц в целях получения защититель-

ных доказательств и контроля за производством дополнительных следственных действий. Наблюдения показывают, что обвиняемый и его защитник в настоящее время при проведении дополнительных следственных действий в них практически не участвуют и проконтролировать правильность их проведения не могут.

Было бы логично допустить участие обвиняемого в производстве следственных действий, о проведении которых он ходатайствовал, независимо от разрешения следователя. Тем самым обвиняемый и его защитник получили бы возможность требовать от следователя объективности при проведении дополнительных следственных действий, которые для защиты законных интересов обвиняемого могут быть столь же важны, как и проведенные до завершения расследования. Поскольку участие обвиняемого в производстве дополнительных следственных действий соответствует его законным интересам, оно должно быть предусмотрено соответствующей нормой закона и обеспечиваться в каждом случае, когда сторона защиты о том просит. В этом плане представляется целесообразным исключить из п. 10 ст. 47 УПК РФ слова «с разрешения следователя» и дополнить положения ч. 5 ст. 164 УПК РФ соответствующим предписанием.

Еще более серьезные проблемы возникают при защите законного интереса обвиняемого в судебном заседании, где состязательное начало наиболее выражено. Признание наличия у обвиняемого законного интереса ведет к выводу о необходимости его защиты не только действиями стороны защиты (что свойственно состязательной системе), но и участвующими в процессе государственными органами, и в первую очередь государственным обвинителем.

Не только прямое нарушение прав и законных интересов обвиняемого, но и их игнорирование представляют собой серьезное нарушение закона, способное повлечь вынесение неправосудного приговора. Казалось бы, уголовно-процессуальное законодательство содержит достаточные рычаги для предотвращения игнорирования государственным обвинителем законного интереса подсудимого: пп. 5, 6, 7 ст. 73 УПК РФ обязывают обвинение доказывать обстоятельства, установление которых способствует защите интересов обвиняемого: исключаящие преступность и наказуемость деяния; смягчающие наказание; влекущие за собой освобождение от уголовной ответственности и наказания. Обвинение обязано также оп-

ровергнуть доводы, приводимые в защиту обвиняемого (ст. 14 УПК РФ), и обеспечить обвиняемому возможность защищаться всеми не запрещенными законом способами (ст. 16 УПК РФ).

В то же время практические действия по защите законных интересов обвиняемого сотрудниками прокуратуры предпринимаются крайне редко. Это связано с тем, что в судебном заседании прокурор несет ответственность за позицию, занятую им при возбуждении уголовного дела и на предварительном расследовании. Генеральный прокурор прямо указывает, что «по каждому случаю освобождения из-под стражи лиц, в отношении которых избиралась такая мера пресечения, а затем уголовное дело (уголовное преследование) было прекращено по реабилитирующим основаниям или судом постановлен оправдательный приговор, не позднее 10 дней со дня принятия окончательного решения по делу проводить проверку и составлять мотивированное заключение о законности и обоснованности процессуальной позиции прокурора, поддержавшего в суде ходатайство следователя об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу или продлении срока содержания под стражей. Кроме того, рассматривать в таких случаях вопрос о необходимости принятия мер реагирования на допущенные нарушения следователя, руководителя следственного органа, прокурора, утвердившего обвинительное заключение»⁹. Таким образом, последствием результативной защиты обвинителем интересов обвиняемого является служебная проверка деятельности прокурора и возможность его наказания. В этих условиях сложно ожидать от государственного обвинителя заботы о законных интересах подсудимого.

Сложившееся положение не может быть существенно исправлено активными действиями защиты. Как подсудимый, так и его защитник не имеют в своем распоряжении тех средств, к которым и на судебных стадиях уголовного процесса имеет доступ государственный обвинитель. К ним относятся поднадзорные прокурору органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, которые нередко оказывают государственному обвинителю помощь по розыску свидетелей обвинения, выявлению важной для прокурора информации, опровержению доводов защиты.

В противоположность этому, защита крайне редко имеет возможность своими действиями выявить обстоятельства, указыва-

ющие на недопустимость доказательств обвинения. В частности, практически невозможно установить заинтересованность понятых, среди которых могут быть лица, негласно сотрудничающие с органами оперативно-розыскной деятельности, так как согласно ст. 12 Закона РФ «Об оперативно-розыскной деятельности» сведения о них составляют государственную тайну и подлежат рассекречиванию только с письменного согласия этих лиц. Между тем, косвенно о распространённости привлечения этих лиц в качестве понятых свидетельствует регулярный характер участия одних и тех же граждан в проведении следственных действий в качестве понятых.

Так, по уголовному делу №02/57-05, рассмотренному Самарским областным судом, один из понятых не только дважды участвовал в разное время в проведении различных следственных действий, но и дал показания о том, что и в третий раз явился по просьбе следователя, при этом слышал, как обвиняемый подробно рассказывал о совершенном преступлении оперативному работнику¹⁰. Хотя беспристрастность такого понятого сомнительна, никаких средств для получения данных, указывающих на наличие у него связи со следственными или оперативно-розыскными органами, у защиты не было.

Таким образом, компенсировать недостаточность средств защиты законных интересов подсудимого в судебном заседании способен только суд, который не несет ответственности за допущенные при возбуждении и предварительном расследовании уголовного дела нарушения, а также имеет широкие властные полномочия по сборанию, проверке и оценке доказательств.

Хотя на суд возложена функция разрешения уголовного дела по существу и он не может выступать на стороне защиты (ст. 15 УПК РФ), эта норма не может являться препятствием для деятельности суда по защите законных интересов подсудимого. Это связано с тем, что определение законного интереса обвиняемого неотделимо от установления истины по уголовному делу. Только выяснив действительные обстоятельства дела, суд может определить, в чем состоят защищаемые законом интересы подсудимого; с другой стороны, только предоставив защите возможность опровергать обвинение всеми не противоречащими закону способами, суд может убедить-

ся в обоснованности обвинения и избежать вынесения приговора, основанного на предположениях, что запрещено ч. 4 ст. 14 УПК РФ. Поэтому защита законных интересов подсудимого является необходимым условием реализации судом функции разрешения дела по существу. Более того, уголовно-процессуальное законодательство прямо возлагает на суд обязанности по обеспечению права обвиняемого на защиту (ч. 2 ст. 16 УПК РФ).

Резюмируя вышесказанное, следует отметить, что правильное определение существа и границ законных интересов обвиняемого, принятие своевременных мер по их защите является необходимым условием достижения целей уголовного судопроизводства.

Примечания

¹ См.: Куцова, Э.Ф. Гарантии прав личности в советском уголовном процессе / Э.Ф. Куцова. — М.: Изд-во Московского ун-та, 1972; Малеин, Н.С. Охраняемый законом интерес / Н.С. Малеин // Советское государство и право. — 1980 — №1 — С. 34; Витрук, Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе / Н.В. Витрук. — М., 1979. — С. 149; Тихомиров, Ю.А. Теория закона / Ю.А. Тихомиров — М., 1982. — С. 139.

² Малько, А.В. Законный интерес и субъективное право / А.В. Малько // Вопросы теории охраняемых законом интересов. — Ярославль, 1990. — С. 6.

³ Корнуков, В.М. Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве / В.М. Корнуков. — Саратов, 1987. — С. 86.

⁴ Коврига, З.Ф. Уголовно-процессуальная ответственность / З.Ф. Коврига. — Воронеж, 1984. — С. 167.

⁵ Гессен, В.М. Лекции по полицейскому праву / В.М. Гессен. — СПб., 1907-1908. — С. 6.

⁶ Лазарева, В.А. Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе / В.А. Лазарева. — Самара: Самарский государственный университет, 1999. — С. 59.

⁷ Зинатуллин, З.З. Общие проблемы обвинения и защиты по уголовным делам / З.З. Зинатуллин. — Ижевск, 1989. — С. 60.

⁸ Строгович, М.С. Избранные труды. Гарантии прав личности в уголовном судопроизводстве / М.С. Строгович. — М.: Наука, 1992. — Т. 2. — С. 227.

⁹ П. 1.5 Приказа Генеральной прокуратуры РФ от 6.09.2007 г. №136 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия».

¹⁰ Уголовное дело №02/57-05 // Архив Самарского областного суда.